Я поздоровался и сел рядом с тетей Полей, женщиной весьма почтенных лет, с волнистыми седыми волосами, с лицом, испещренным густой сеткой мелких морщин. Выцветшие карие глаза смотрели весело и как-то молодо. В руке она держала папиросу-самокрутку, толщиной с указательный палец.

- Закурим, Михалыч! - обратилась она ко мне. Не успел я что-либо ответить, как тетя Поля откуда-то из кармана широкой юбки достала коробку спичек, прикурила и закашлялась.

- Пора и бросить бы курить, да вот привычка, нет, наверно, не брошу. Раньше на огородах сажали махорку на продажу. И вот, когда ее высушат и истолкут в ступе, надо попробовать, крепкая ли. От крепости и цена ей. Так и научились многие женщины деревни курить махорку.

Она немного помолчала, изредка затягиваясь и выпуская из носа струйки дыма.

- Да и жизнь-то к этому располагала, - продолжала она. - Станет трудно, что делать? Закуришь, и как будто полегчает.

Ты ведь знаешь, какая у нас семья-то была - восемь человек детей, все парни, да мы с Михайлой, с мужем. Считай, сколько за стол-то садилось. Старшие сыновья все взрослые, крепкие. Это потом некоторые поженились и отошли.

Бывало, не успеваешь подливать или подкладывать еды. Сам помнишь, как нелегко жили. Прошел день, и думаешь, а чем завтра кормить буду.

Правда, помогали добрые люди одеждой старой, из которой выросли их дети, продуктами.

Царство небесное матери твоей, я к ней с нуждой, как к сестре родной ходила. Спасибо ей, хороший и добрый был человек.

Хотя Михайла был на постоянной работе конюхом, и взрослые неженатые сыновья все работали в колхозе, но полученного на трудодни хлеба в иные годы до нового урожая не хватало. Ты, должно быть помнишь, сколько давали хлеба на трудодень. Вот и приходилось утренний удой молока (шесть литров) да яичек десяток, а когда и спахтаешь, относить на базар. А он не ближний свет. Несешь молока четверти наперевес и в руках еще что-нибудь. Пока придешь, продашь, а там нас таких горемык на базаре было много. Не берут городские, ходят, пробуют молоко, приценяются. А время-то почти к обеду. Надо еще купить хлеба. А давали по одному караваю.

Вот и выстаиваешь две длинные очереди. Купишь два каравая, отправляешься опять пешком домой. Идешь - ног не чуешь. Раз пять приходилось отдыхать.

Это я такая крепкая была и привычная к тяжелой жизни, поэтому и выдюживала. А домой придешь - надо сварить какой-никакой еды, парней-то кормить надо. Да по хозяйству работы прорва: стирка одежды, прополка травы на огороде.

Грех не сказать, Михайла и младшие дети в этом мне много помогали в работе на огороде. А Михайла даже хлебы иногда пек и другие женские работы выполнял.

Говорят, малые дети - малые заботы, взрослые дети – большие. Требовалась и одежда получше. А если который сын женился, то надо было на обзаведение что-то давать. А у нас чего дашь, кроме теленка.

А некоторые сыновья уезжали на сторону, на заработки. Один приезжал, кое-что в дом приносил, а другой - хорошо хоть возвращался. И такое бывало. Трудно было с парнями, но все выросли здоровыми, красивыми.

Да вот для всех нас страшная беда приключилась - Германия пошла войной на нашу страну. Шестерых я проводила на фронт. Остался дома один, младшенький. Средний сын работал на Урале. Двое из них не вернулись совсем: один, Алексей, сложил свою удалую головушку в Сталинграде, другой, Николай, пропал без вести, третий, Константин, пришел инвалидом. Но каждого жалко одинаково, и сейчас их, погибших, вижу живыми. Красивый, кудрявый Алексей. Как он играл на балалайке, на мандолине! А как он рисовал!

Ты помнишь, как из глины он вылепил свою голову, поставил на подоконник. И как дивились женщины, которые шли на работу, схожести с Ленькой. Перед войной он работал в Саранске и учился на художника. На фронт ушел добровольцем.

А Петя, твой коренной друг! Вежливый, ласковый, трудолюбивый, помню, как вы вдвоем еще ребятишками в саду из самана сделали настоящую палатку. Он очень хотел учиться. Стал офицером, вскоре уволился из армии и поступил в институт. И только неизлечимая болезнь и смерть помешали ему стать инженером. Пусть земля будет пухом страдальцу.

А взять Константина. Без правой руки пришел с войны. Нашли ему место в жизни. Работал председателем колхоза, и в других местах, где он работал, о нем хорошо люди говорили. А они неправду не скажут.

И вот еще одно несчастье - умер Михайла. Его долго мучила язва желудка и свела не больно старого в могилу. Ему бы пищи получше, а где ее взять, если к этому времени мы и корову продали.

И вот остались мы в доме вдвоем с Владимиром. Он - парень способный, решил учиться дальше. Сначала выучился на фельдшера, работал несколько лет, дело пошло хорошо. А потом он надумал учиться на учителя. Если бы не огород да не работа его в колхозе по летам, я не знаю, как бы мы сводили концы с концами.

Самокрутка тетей Полей была выкурена. Она свертывала новую и задумалась.

- Моя пенсия в двенадцать рублей и его стипендия здорово нам помогали.

Сыновья, вернувшиеся с фронта, живут в родной деревне. Они нет-нет да принесут то молока, то мяса, то другое что. Так вот и дотянули до конца учебы Владимира.

- Да, Михалыч, долгую и трудную жизнь я проживаю, и все жить хочется. А как вспомнишь девичьи годы, то и вовсе. Любила я повеселиться, пела песни, водила хороводы, катала яйца по праздникам.

Младший сын работает в другом селе, но мне помогает, хотя у самого уже семья.

А одна я живу потому (хотя и зовут сыновья к себе), что мне свободнее, да и я никому не мешаю. Я еще сама за собой ухаживаю, по силам работаю на огороде. Вчера даже ходила в лес и принесла полный кузовок самой спелой черной и красной смородины. Я тебя сейчас угощу. И насыпала целое блюдце отборных красных и сизо-черных ягод.

Вскоре я уходил и от души позавидовал трудолюбию, любви к жизни, непоколебимости воли и духа в любых обстоятельствах простой женщины, вырастившей восемь мужчин, верных сынов Отечества.

Прошло несколько лет. Сейчас тети Поли нет в живых, и сыновей здравствующих осталось только двое. Но на селе хорошо помнят тетю Полю и ее большую семью. А я запомнил этот рассказ соседки о своей жизни.

1994 год